

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 128–136.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 1 (70). P. 128–136.

Научная статья
УДК 140
doi: 10.54398/1818-510X_2022_1_128

РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА И КРИТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Карнеев Родион Рафаэльевич¹ ✉, **Мухортов Антон Сергеевич²**

^{1,2}Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

1rkarneev@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

2lomasterjedi1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1571-9240>

Аннотация. Целью данной работы является попытка показать то, каким образом связан проект реконцептуализации субъекта с эффектами критики Просвещения. Для решения этой задачи выделяется два предшествующих проекта концептуализации субъекта: предложенный классической философией проект концептуализации субъекта (субъект цел и транспарентен) и предложенный неклассической философией проект деконцептуализации субъекта (субъект рассеян и асубстанционален). Отмечается, что в словосочетании «критика Просвещения» заложена продуктивная двусмысленность: с одной стороны, критика, предложенная в эпоху Просвещения по отношению к определённым социальным феноменам, с другой – критика по отношению к критике Просвещения. Выявляются определённые эффекты, произведённые критикой Просвещения и критикой критики Просвещения. Этими эффектами являются, например, децентрация мира, критика классической новоевропейской метафизики, критика концепции классического субъекта, просвещённое ложное сознание, современный цинизм. Таким образом, выясняется, что такое критика Просвещения и что такое проект реконцептуализации субъекта. Чтобы показать, каким образом критика может переходить из поколения в поколения, и как это может влиять на концепцию субъекта, рассматривается проблема следования правилу (Л. Витгенштейн) через призму концепции следования социальных эстафет (М. А. Розов).

Ключевые слова: субъект, реконцептуализация субъекта, критика Просвещения, критика критики Просвещения, проблема следования правилу, социальные эстафеты, деконцептуализация субъекта, концептуализация субъекта, классическая философия, неклассическая философия

Для цитирования: Карнеев, Р. Р., Мухортов, А. С. Реконцептуализация субъекта и критика Просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 128–136. https://doi.org/10.54398/1818-510X_2022_1_128.

Это произведение публикуется по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

THE PROBLEM OF SUBJECT RECONCEPTUALIZATION AND CRITICISM OF ENLIGHTENMENT

Rodion R. Karneev¹ ✉, **Anton S. Mukhortov²**

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

1rkarneev@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

2lomasterjedi1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1571-9240>

Abstract. The purpose of this article is to show how the project of reconceptualisation of the subject is related to the effects of Enlightenment criticism. To solve this problem the authors singles out two previous projects of conceptualisation of the subject proposed by classical philosophy (the project of conceptualisation of the

subject (the subject is integral and transparent) and non-classical philosophy (the project of deconceptualisation of the subject – the subject is scattered and asubstantial). It is notes that the word combination “critics of the Enlightenment” contains a productive ambiguity: on the one hand, the criticism proposed by the Enlightenment in relation to certain social phenomena, and on the other hand, the criticism of the criticism of the Enlightenment. The authors reveal certain effects produced by the criticism of the Enlightenment and by the criticism of the criticism of the Enlightenment. These effects may include, for example, decentralization of the world, criticism of classical New European metaphysics, criticism of the concept of the classical subject, enlightened false consciousness, and contemporary cynicism. Thus, it reveals what the Enlightenment criticism is and what the project of reconceptualisation of the subject is. To show how criticism can pass from generation to generation, and how it can influence the concept of the subject, the authors consider the rule-following paradox (Wittgenstein) through the prism of the concept of following social relay races (M. A. Rozov).

Keywords: subject, reconceptualisation of the subject, the Enlightenment criticism, rule-following paradox, social relay races, deconceptualisation of the subject, conceptualization of the subject, classical philosophy, non-classical philosophy

For citation: Karneev, R. R., Mukhortov, A. S. The problem of subject reconceptualization and criticism of Enlightenment. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 1 (70), pp. 128–136. https://doi.org/10.54398/1818-510X_2022_1_128.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Введение

Если верить А. Бадью, то философия остановилась на «второй эпохе доктрины Субъекта», когда Субъект перестаёт быть фундаментальной темой философии: «мы являемся современниками второй эпохи доктрины Субъекта, который больше не является субъектом фундаментальным, центрированным и рефлексивным, каковым он являлся от Декарта до Гегеля, и остаётся ещё чётким вплоть до Маркса с Фрейдом (и Гуссерля с Сартром). Современный Субъект пуст, расколот, не-субстанционален, нерелексивен. Кроме того, он предполагается только в отношении частных процессов со строгими условиями» [25, с. 9].

Однако мы живём в третью эпоху доктрины Субъекта, а именно в эпоху проекта реконцептуализации субъекта. (Осмысление этой проблемы было предпринято многими исследователями. Одним из важнейших сборников является: Cadava E., Conor P., Nancy J.-L. *Who comes after subject?* New York – London, 1991.)

Более того, то описание, которое предлагает нам Бадью, относится к проекту деконцептуализации субъекта, в современной же ситуации, то есть в ситуации реконцептуализации субъекта, дела обстоят несколько иначе. Поэтому для начала стоит задаться вопросом о причинах того, что же привело к проекту реконцептуализации субъекта. Что собой представляет проект реконцептуализации субъекта, и почему он может нести в себе проблему? Для ответа необходимо рассмотреть два предыдущих проекта концептуализации субъекта, а именно проект концептуализации субъекта, предпринятый классической философией, и проект деконцептуализации субъекта, предпринятый неклассической философией.

Предварительно следует сделать одно важное методологическое замечание. В описании проектов концептуализации, деконцептуализации и реконцептуализации субъекта мы будем использовать принцип симметрии [13; 26], то есть мы будем рассматривать все проекты концептуализации субъекта и все периоды философии симметрично, а именно использовать одинаковые язык описания и словарь терминов.

Основная часть

Проекты концептуализации субъекта

Классическая концептуализация субъекта возникла в эпоху классической философии. Сам концепт субъекта возник в Новое время. В эпоху, которую Фуко называет «картезианским моментом» [23, с. 26–29]. Соответственно, чтобы разобраться с классической концепцией субъекта, нужно разобраться с тем, что собой представляла классическая философия.

Представляется важным для начала разметить концептуальные рамки классической философии, ведь именно классическая современная философия является тем самым истоком концептуализации субъекта, по поводу которой и по сей день идут дебаты [17; 28;

29]. В данном случае мы ограничимся теми концептуальными рамками классической философии, которые предложили М. Мамардашвили, Э. Соловьёв и В. Швырёв.

Согласно авторам, в классической философии «оказалась выраженной и проанатомированной позиция сознательного человека в мире, или – ещё точнее – вообще человеческой сознательности в качестве свободного и органического фактора жизни, общественного устройства и миропознания, соразмерного с атомарными, самосознательно и разумно действующим индивидом и неотъемлемого от него» [18, с. 137].

Итак, субъект рассматривался в терминах деятельности, которой противопоставляется бездеятельностному объекту. И этот самый бездеятельностный объект, то есть мир, внеличностный естественный порядок, представляется рационально постижимой структурой, но как раз в терминах деятельности, конструирования. Из онтологии исключались все посторонние и инородные силы. Сформировался особый путь осознания противостоящего субъекту мира – предполагалось, что рефлексия (в разных её формах и родах, например, даже сенсуалисты не могли обойтись без определённого рода рациональных процедур, фиксирующих «чистые ощущения») является философским путём постижения объективного мира. Чтобы достичь такого положения в мире, классической философии требовалась десубъективация внутреннего опыта, сведение его к абсолютному минимуму, независящему от субъективных, личностных качеств субъекта, например, телесности. Гегель, один из ярких примеров подобного рода подхода, не упоминает о телесности субъекта, его интересует чистое бытийствование и становление сознания [4; 10]. Соответственно, субъект-объектное отношение рассматривается как непроблематичное и прозрачное. Получается, что «в целом всю классическую философию можно характеризовать как философию самосознания и рефлексии (причём рефлексии, направленной на выявление объективно-всеобщего). Введённые ею конструкции породили определённый стиль философских рассуждений, который не ограничился одними лишь рамками теории познания, но вообще распространился на анализ всех тех сфер, где человек в принципе способен предпринимать то или иное действие – социальное, экономическое, культурное, нравственное и т. д. – на рациональных основаниях» [18, с. 142].

Какковы тогда рамки классического периода в философии и, соответственно, первой концептуализации субъекта? Вслед за авторами мы предполагаем, что классическую новоевропейскую философию можно рассматривать во временном периоде от Ф. Бэкона, Р. Декарта до Л. Фейербаха, О. Конта и Ф. Гегеля, в философии которого концепция классического новоевропейского субъекта получила своё наиболее полное выражение.

Как замечают три автора, не всё, что было после Возрождения – классика, и не всё, что есть, сегодня является современным. Мы можем найти некоторые исключения. В этом смысле можно, например, утверждать, что классическая новоевропейская концепция субъекта оказывается достаточно распространённой, например в юриспруденции [5, с. 437–508] или политике [15].

Стоит сделать ещё одну важную оговорку. Концепта субъекта в его классическом понимании не существовало до Нового времени. Реми Браг [27] показывает, что у Аристотеля в зачаточном виде присутствует вопрос о субъекте, но ответа на этот вопрос он не даёт. Получается, что Аристотель не задаётся вопросом о субъекте там, где должен был бы задаваться. Браг показывает отсутствие в аристотелевской этике того, что называется рефлексией, над тем, что значит являться самим собой.

В таком случае, что же собой представлял субъект классической философии, субъект проекта концептуализации субъекта? Классическому новоевропейскому субъекту были присущи следующие характеристики: активность, транспарентность, осознанная свобода действия. Он мыслился как Богом предназначенный для активной деятельности в мире. И именно Бог адекватно оснастил субъекта всеми средствами для познания мира. Предполагалось, что в процессе познания можно элиминировать все личностные и присущие только субъекту характеристики для адекватного познания окружающей его действительности.

Но проект концептуализации субъекта классической философией оказался неудачей.

Всё дело в том, что метафизика Нового времени жёстко противопоставляла субъекта миру. Концепт субъекта оказывается ассиметричным, ведь именно субъект «производит», конструирует объект познания. Вся последующая философия оказывается в этом смысле, по меткому замечанию К. Мейясу, «корреляционизмом»: «...насколько центральным понятием

современной философии после Канта стало понятие «корреляции». Под «корреляцией» мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [19, с. 11]. Ведь именно И. Кант говорит о том, что созерцания дают нам лишь явления, а не вещи сами по себе [7, с. 101–103]. Соответственно, в дихотомии «субъект / объект» субъект оказывался полюсом, к которому всё, в конечном итоге, и сводиться. Он оказывался автономным и независимым, в отличие от объекта, всегда обусловленного субъектом и относительного. Такая концептуализация субъекта оказалась недостаточной, потому что классическая концепция субъекта не учитывает определённого рода объективные факторы, влияющие на субъекта, в пределе сводящие субъекта к ним. Это привело к ситуации деконцептуализации субъекта.

Но что собой представляла философия проекта деконцептуализации субъекта, которая является философией неклассической? Неклассика поставила под вопрос как раз само сознание в его саморефлексии, обнаружив определённые объективные структуры, довлеющие над ним. Прозрачность самосознания, самого сознания как рефлексивной инстанции, оказывается проблематичной. Субъект уже не представляет собой целостной, завершённой, транспарентной и чистой структуры. Обнаруживаются различные систематические действующие на субъекта внешние силы.

Иными словами, деконцептуализация субъекта как раз связана с теми неустранимыми и объективными особенностями познающего субъекта, которые и предопределяют всю специфику знания об объекте и получения знания от познаваемого объекта. Она связана с попыткой свести субъекта к систематически на него влияющим объективным факторам и, соответственно, в пределе деконцептуализировать его и его субъектность.

Фуко указывает на три ключевых концептуальных персонажа этого поворота от классической философской ситуации к неклассической – на Ф. Ницше, З. Фрейда и К. Маркса [24], – как на мыслителей, которые одними из первых выявили систематически влияющие на субъекта объективные силы.

Проект деконцептуализации субъекта оказался не очень успешным, поэтому начиная примерно с шестидесятых годов XX в. стремление к деконцептуализации субъектности сменяются попытками её концептуального переосмысления. В ситуации современной континентальной философии речь идёт о реконцептуализации субъекта. Современные континентальные философы попытались найти выходы из проекта деконцептуализации субъекта, ибо заметили, что из-за объективных детерминирующих субъект факторов сам субъект не исчезает, не становится полностью объектом, но остаётся всё-таки субъектом. Оттого, что концепт субъекта, каким его знала классическая новоевропейская метафизика, уходит со своего места, субъектность не исчезает, не испаряется.

Соответственно, проблемой является то, каким образом можно мыслить концепт субъекта, несмотря на критику, предложенную проектом деконцептуализации субъекта? Или же каким образом проект реконцептуализации субъекта связан с критикой Просвещения?

И здесь мы подошли к словосочетанию *критика Просвещения*. Что это значит? Мы имеем в виду, что критика Просвещения, которая занималась разоблачением мифа непросвещённого общества, породила некоторые эффекты, которые привели не только к критике критики Просвещения, но и к переосмыслению концепции субъекта.

Эффекты критики Просвещения

Для начала хотелось бы отметить некоторую продуктивную двусмысленность, заложенную в словосочетании критика Просвещения. Всё дело в том, что существует критика Просвещения, которая была предложена программой Просвещения по отношению к некоторым феноменом социальной реальности, о которых пойдёт речь в дальнейшем, и критика Просвещения, которая являлась ответом на критику, предложенную программой Просвещения, например обвинявшая программу Просвещения в мифотворчестве или нацизме [1]. Соответственно, здесь мы постараемся сосредоточить внимание на обоих аспектах критики Просвещения.

Нас интересует то, как субъект подвергается воздействию определённого рода внешних эффектов (эффектов критики Просвещения), причём нас будет интересовать такое воздействие на субъекта, эффектом которого может быть некоторое изменение (пусть даже и не радикальное) субъектности самого субъекта. В этом смысле, мы остановимся на субъект-

тивации (здесь хорошо может подойти французский термин *assujettissement*, который, на наш взгляд, более полно передаёт саму процедуру «осубъективания»), то есть на процессе становления субъекта субъектом не только в исторической перспективе, но и в перспективе, если пользоваться терминологией Л. Альтюссера [2], конкретной интерпелляции конкретного индивида.

Но что позволяет нам говорить о том, что какие-то внешние эффекты, например эффекты критики Просвещения, могут влиять на концепт субъекта? Как, собственно говоря, образуется субъект? Постнеклассической философией субъект рассматривается прежде всего как субъект действия, который является сложным конструктом, проходящим долгий путь своего онто- и филогенетического развития. И в этом смысле целое представляет собой не некий отправной пункт, как того требовала классическая философия, а некоторый временный результат сложной сборки: «Выразительность метафоры плагина связана с тем, что компетентность приходит не оптом, а буквально битами и байтами. Не надо представлять себе человека “целиком”, наделённым интенциональностью, делающим рациональные расчёты, чувствующим ответственность за свои грехи или сокрушающимся о своей смертной душе. Вы понимаете, чтобы получить “завершённых” человеческих акторов, вы должны собрать их из 96 множества последовательных слоёв, каждый из которых эмпирически отличается от следующего. Способность быть вполне компетентным актором теперь приносят дискретные пеллеты, или – если заимствовать термины из киберпространства, – патчи и апплеты, точный источник которых можно “погуглить” до того, как они будут один за другим загружены и сохранены» [14, с. 289]. В этом смысле можно проследить, каким образом субъектность собирается, из каких конкретных эффектов и внешних воздействий. Тем не менее, несмотря на них, субъектность сохраняется, и субъект продолжает рассматриваться и действовать как субъект.

Здесь нам представляется важным рассмотреть проблему следования правилу, предложенную Л. Витгенштейном [3]. Ведь именно благодаря следованию правилам задаются и поддерживаются некоторые социальные функции и практики, которые делают общество обществом. И именно в социальном контексте и происходит следование правилам, так как, по Л. Витгенштейну, следование правилу – практика. И именно поэтому есть глубокая разница между тем, что я верю в то, что я следую правилу, и следовать правилу. Нельзя приватно следовать правилу, так же как и нельзя иметь свой собственный приватный язык [9]. В противном случае нельзя понять, когда кто-то действительно следует правилу, а когда он только думает, что следует. К тому же мы вслед за В. Ю. Кузнецовым [11, с. 52] предполагаем, что правила должны каким-то образом передаваться. То есть из поколения в поколение правила наследуются определёнными сообществами и группами лиц. В. Ю. Кузнецов предполагает, что в данном случае уместно совместить следование правилу и концепцию социальных эстафет М. А. Розова: «Воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам я и называю социальными эстафетами» [21, с. 85]. Мы рассматриваем субъекта проекта реконцептуализации субъекта как субъекта действия. Соответственно, действуя, субъект вынужден выбирать из большого числа правил, вариантов действия, которые передаются с помощью социальных эстафет.

Концепция социальных эстафет и проблема следования правилу являются важным для того, чтобы рассмотреть процесс интерпелляции и передачи эффектов критики Просвещения из поколения в поколение, от субъекта к субъекту, и показать механизмы влияния на субъект.

Что же собой представляет критика Просвещения? «Таким образом, просветительская беседа, в сущности, есть не что иное, как рабочая борьба мнений и исследовательский диалог между персонажами, которые а priori следуют правилу поддержания мира между собой, потому что их встреча может закончиться только обоюдным выигрышем – выигрышем в познании и в обретении солидарности. Потому-то расставание с прежними мнениями переживается без особых мучений» [22, с. 80]. Соответственно, критика началась как попытка разобраться своими средствами с некоторыми социальными феноменами, как, например, религия, религиозное откровение, политика – средствами рационального диалога. И. Кант, например, определяет Просвещение как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [22, с. 82]. И. Кант характеризует несовершеннолетие человека тем, что он не пользуется своим собственным разумом там, где он должен им самостоятельно пользоваться. То есть человек позволяет кому-то другому

пользоваться своим разумом и давать ему готовые ответы. А если учесть тот факт, что основным девизом Просвещения по И. Канту оказывается следующий: «Имей пользоваться собственным умом», – то становится ясным и то, почему человек, который не имеет подобного мужества, оказывается ответственным за это [8].

Соответственно, дальнейшая критика Просвещения уже критиковала саму эту критику. Она показывала некую неавтономность самого разума по отношению к тому, что оно критикует. Проект деконцептуализации субъекта находит некий объект в самом разуме, в самом субъекте. Но, тем не менее, И. Кант задаёт некоторую общую установку, которая в некотором виде подерживается до сих пор в качестве неявного допущения «средней» интеллектуальной работы.

Получается, что Просвещение заключается не только в некотором историческом периоде, в который оно возникает и набирает вес, но и в определённой установке. То есть чтобы выходить из состояния своего несовершеннолетия, нужно всегда неким определённым образом проблематизировать себя и своё место, причём проблематизация эта исходит от автономного субъекта, способного пользоваться собственным разумом. Таким образом, вырабатывается определённый тип вопрошания по отношению не только к окружающему человека миру, но и по отношению к самому себе. Соответственно, возникает определённая установка на то, чтобы ставить своё историческое бытие под вопрос, критиковать его. Если придерживаться небеспроблемной дихотомии «форма / содержание», то можно сказать, что в данном случае речь идёт о некоторой форме философского вопрошания по отношению к наличествующему историческому бытию.

Таким образом, эффекты критики Просвещения, определённая установка критики Просвещения, рассмотренная через проблему следования правилу и концепцию социальных эстафет, показывает некоторое изменение в понимании субъекта. Соответственно, происходит некоторое изменение субъекта и субъектности. Их можно проследить по множеству факторов. В данном случае мы пойдём за Бруно Латуром. Латур в своей статье «Почему критика выдохлась?» пытается заняться ревизией критики и показать, что работает она не так уж чтобы хорошо. Его волнует тот факт, что нынче критическим аппаратом овладели все. «Теперь мы сталкиваемся с тем, что можно назвать “мгновенным ревизионизмом”. Ещё не улеглась пыль, а десятки теорий заговора уже переписывают и деконструируют официальную версию событий, оставляя руины на руинах и свежие облака дыма там, где ещё не развеялись старые. Что стало с критикой, если мой сосед по маленькой деревушке в Бурбонне снисходительно считает меня безнадежно наивным субъектом, потому что я верю, что США атаквали террористы? Помните старые добрые времена, когда университетские профессора могли смотреть свысока на неотёсанных “простолюдинов”, потому что эти “деревенщины” наивно верили в церковь, любовь матери и яблочный пирог? Всё очень сильно изменилось, во всяком случае, в моей деревне. Я теперь последний, кто наивно верит в какие-то факты, потому что я образован, а другие слишком безыскусны, чтобы быть настолько простыми: “Где ты был? Ты разве не знаешь, что за этим стоят Моссад и ЦРУ?”» [16].

Получается, что аппаратом критики овладели все, критический настрой сегодня повсеместен. А что мы говорили о критике Просвещения? Она работает примерно в таком же ключе. Пытается разоблачить и выявить подноготную того, что кажется ей сомнительным. Другое дело, что обычный средний человек работает с критикой немного иначе, чем академический исследователь. Он всё равно будет верить в некоторые силы за некоторыми действиями, за некоторыми событиями. И это важно. Критика Просвещения, стремясь научить, просветить, вывести человека из состояния несовершеннолетия, тем не менее, не смогла этого осуществить. Но это не значит, что субъект не изменился. Изменился: теперь мы все причислены к критике. Мы знаем, какво это – критиковать и разоблачать.

И это состояние П. Слотердайка называет циничским сознанием. «Цинизм – это просвещённое ложное сознание. Это модернизированное несчастное сознание, над которым уже поработало Просвещение безрезультативно и в то же время напрасно. Оно усвоило наставления просветителей, но не осуществило того, к чему они призывали – и, пожалуй, не могло осуществить ... с логической точки зрения перед нами парадокс: как же может и какое право имеет просвещённое сознание ещё быть ложным?» [22, с. 33].

Но как возникло просвещённое ложное сознание? Причём здесь критика Просвещения и почему человек, если следовать Канту, вышедший из состояния своего несовершеннолетия,

тем не менее, остаётся с ложным сознанием? Получается, что, с одной стороны, был усвоен весь пафос Просвещения, но, с другой стороны, это привело к совершенно иным результатам. К результатам, на которые не рассчитывали сами просветители. Получается, что результатом критики Просвещения оказывается не просвещенный разум, способный к решению насущных проблем и избавленный от мифов, а ложное сознание, которое не только не отошло от старых мифов, но и приобрело новые.

Тем не менее, какие-то результаты критики проекта Просвещения сохранились. Например, Ж. Деррида говорит о децентрации мира: «...Отныне, конечно же, надлежало прийти к мысли, что центра просто нет, что центр не может быть помыслен в форме некоего присутствующего сущего, что центру нет естественного места, что он является не определённым местом, а функцией, в своём роде неуместностью, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков... Отсутствие трансцендентального означающего расширяет поле и игру означивания до бесконечности» [6, с. 354].

Выводы

Что же получается: если нет центра, нет трансцендентального означающего, которое бы могло служить неким центром этого мира (сразу же вспоминаются слова Ницше «Бог умер» [20]), то от чего отталкиваться и как поддерживать своё существование субъекту? Ведь субъект – это тоже некий центр, который собирает вокруг себя какой-то предположительно разнородный материал. Более того, субъект сам появился в Новое время, в Век Просвещения. М. Фуко называет этот момент «картезианским моментом» [23], то есть моментом, когда лозунг «Познай самого себя» становится главным условием доступа к истине наряду с самоочевидностью моего существования.

Соответственно, представляется, что концепция субъекта реконцептуализации субъекта должна учитывать критику Просвещения и критику критики Просвещения, чтобы показать, что, несмотря на различные проекты деконцептуализации субъекта, субъект остаётся субъектом, только в несколько ином виде. Получается, что субъект не может быть ни центром по отношению к объекту, ни объектом, как представляли критики классического проекта субъекта. То есть субъект может проявлять свою субъектность, даже если на первый взгляд кажется, что за него действуют классовые отношения или язык. Субъект остаётся в этом смысле самостоятельным, а критика Просвещения и критика критики Просвещения позволила понять, что в субъекте что-то остаётся, что-то такое, что делает субъекта субъектом.

Список литературы

1. Адорно, Т. Диалектика Просвещения / Т. Адорно, М. Хорхаймер. – Москва, Санкт-Петербург : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
2. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства / Л. Альтюссер. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 28.10.2021).
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Москва : АСТ, 2018. – 352 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Наука, 2000. – 495 с.
5. Декомб, В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица / В. Декомб. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
6. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Письмо и различие. – Москва : Академические проект, 2000. – С. 445–467.
7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Мысль, 1966. – Т. 6, ч. 1. – 743 с.
8. Кант, И. Что такое Просвещение? / И. Кант // Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
9. Крипке, С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / С. Крипке. – Томск : Томский ун-т, 2005. – 152 с.
10. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 гг. в Высшей практической школе / А. Кожев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 792 с.
11. Кузнецов, В. Ю. Проблема следования правилу и концепция социальных эстафет / В. Ю. Кузнецов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 105–125.
12. Кузнецов, В. Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии / В. Ю. Кузнецов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2008. – № 1. – С. 3–18.
13. Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – Санкт-Петербург : Европейский ун-т в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.

14. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва : Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
15. Латур, Б. Политики природы: как привить наукам демократию / Б. Латур. – Москва : Ад Маргинем, 2018. – 336 с.
16. Латур, Б. Почему критика выдохлась? – URL: http://www.ncca.ru/app/images/file/Bruno_Latour.pdf (дата обращения: 28.10.2021).
17. Логос. – 2021. – Т. 31, № 3. – 280 с.
18. Мамардашвили, М. Классическая и современная буржуазная философия [Опыт эпистемологического сопоставления] / М. Мамардашвили, Э. Соловьёв, В. Швырёв // Философия философии. Тексты философии. – Мjсrdf : Академический Проект ; Фонд «Мир», 2012. – С. 132–167.
19. Мейясу, К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Екатеринбург, Москва : Кабинетный учёный, 2015. – 196 с.
20. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – Москва : Азбука, 2012. – 352 с.
21. Розов, М. А. Основные положения теории социальных эстафет / М. А. Розов // Философия науки в новом видении. – Москва : Новый хронограф, 2012. – С. 82–108.
22. Слотердайк, П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
23. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 677 с.
24. Фуко, М. Ницше, Фрейд, Маркс / М. Фуко // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 48–57.
25. Badiou, A. L' être et évènement / A. Badiou. – Paris : Éditions du Seuil, 1988. – 576 p.
26. Bloor, D. Knowledge and Social Imagery / D. Bloor. – 2 ed. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1991. – 211 p.
27. Brague, R. Aristote et la question du monde: essai sur le context cosmologique et anthropologique de l'ontologie / R. Brague. – Paris : PUF, 1988. – 566 p.
28. Cadava, E. Who comes after subject? / E. Cadava, P. Conor, J.-L. Nancy. – New York – London, 1991. – 265 p.
29. Schmidt, C. Postsubjectivity. Subjectivity after its different ends / C. Schmidt. – Jerusalem, 2012. – 254 p.

References

1. Adorno, T., Khorkhaimer, M. *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow, Stio Petersburg: Medium, Iuventa; 1997, 312 p.
2. Altiusser, L. *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva* [Ideology and Ideological State Apparatuses]. <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (accessed 28 October 2021).
3. Vitgenshteyn, L. *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical Investigations]. Moscow: Astrel; 2011, 352 p.
4. Gegel, G. V. F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit]. Moscow: Nauka; 2000, 495 p.
5. Dekomb, V. *Dopolnenie k subktu: issledovanie fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa* [Le complément de sujet – Enquête sur le fait d'agir de soi-même]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011, 576 p.
6. Derrida, Zh. Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk [Structure, Sign and Play in the Discours of the Human Science]. *Pismo i razlichie* [Writing and Difference]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt; 2000, pp. 445–467.
7. Kant, I. Kritika chistogo razuma [Critique of the Pure Reason]. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow: Mysl; 1966, vol. 6, part 1, 743 p.
8. Kant, I. Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?]. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow: Mysl; 1966, vol. 6, 743 p.
9. Kripke, S. *Vitgenshteyn o pravilakh i individualnom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Tomsk: Tomsk State University, 2005, 152 p.
10. Kozhev, A. *Vvedenie v chtenie Gegelya. Lektsii po Fenomenologii dukha, chitavshiesia s 1933 po 1939 g. v Vysshey prakticheskoy shkole* [Intodution to the Reading of Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit, given from 1933 to 1939. at the Higher Practical School]. St. Petersburg: Nauka; 2003, 793 p.
11. Kuznetsov, V. Y. Problema sledovaniia pravilu i kontseptsiiia sotsialnykh estafet [The Problem of Rule-Following and the Concept of Social Relay]. *Filosofia. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of The Higher School of Economics]. 2017, vol. 1, no. 3, pp. 105–125.
12. Kuznetsov, V. Y. Sdvig ot klassiki k neklassike i narashchivanie poriadkov refleksii v filosofii [The Shift from “Classical” to “Non-Classical” Philosophy: Building Levels of Reflection]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofia* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. 2008, no. 1, pp. 3–18.
13. Latur, B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg; 2006, 240 p.
14. Latur, B. *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriiyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Act-Network Theory]. Moscow; Higher School of Economics; 2014, 384 p.

15. Latur, B. *Politiki prirody: kak privit naukam demokratiyu* [Politics of Nature. How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem; 2018, 336 p.
16. Latur, B. *Pochemu kritika vydokhlas?* [Why did the criticism fizzle out?] http://www.ncca.ru/app/images/file/Bruno_Latur.pdf (accessed 28 October 2021).
17. *Logos*. 2021, vol. 31, no. 3, 280 p.
18. Mamardashvili, M., Solovlev, E., Shvyrev, V. Klassicheskaya i sovremennaya burzhuaznaia filosofiya. Opyt epistemologicheskogo sopostavleniia [Classical and Contemporary Bourgeois Philosophy. Experience of epistemological comparison]. *Filosofiya filosofii. Teksty filosofii* [Philosophy of philosophy. The Texts of Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Found "Mir"; 2012, pp. 132–167.
19. Meyyasu, K. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude. An Essay on the Necessity of Contingency]. Ekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy uchenyy; 2015, 196 p.
20. Nitshe, F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Moscow: Azbuka; 2012, 352 p.
21. Rozov, M. A. Osnovnye polozheniia teorii sotsialnykh estafet [Basic provisions of the theory of social relay races]. *Filosofiia nauki v novom videnii* [Philosophy of Science in a New Vision]. Moscow: Novyy khronograf; 2012, pp. 82–108.
22. Sloterdijk, P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Ekaterinburg: U-Faktoriia; Moscow: AST MOSKVA; 2009, 800 p.
23. Fuko, M. *Germenevtika subkta* [The Hermeneutic of the Subject]. St. Petersburg: Nauka; 2007.
24. Fuko, M. Nitshe, Freid, Marks [Nietzsche, Freud, Marx]. *Kentavr* [Centaur]. 1994, no. 2, pp. 48–57.
25. Badiou, A. *L'être et évènement*. Paris : Éditions du Seuil; 1988, 576 p.
26. Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery*. 2 ed. Chicago and London: The University of Chicago Press; 1991, 211 p.
27. Bague, R. *Aristote et la question du monde: essai sur le context cosmologique et anthropologique de l'ontologie*. Paris: PUF; 1988, 565 p.
28. Cadava, E., Conor, P., Nancy, J.-L. *Who comes after subject?* New York – London, 1991, 265 p.
29. Schmidt, C. *Postsubjectivity. Subjectivity after its different ends*. Jerusalem, 2012, 254 p.

Информация об авторах

**Карнеев Р. Р. – аспирант;
Мухортов А. С. – аспирант.**

Information about the authors

**Karneev R. R. – postgraduate student;
Mukhortov A. S. – postgraduate student.**

Вклад авторов

**Карнеев Р. Р. – концепция исследования; развитие методологии; выбор темы исследования; разработка концепции реконцептуализации субъекта; написание исходного текста; итоговые выводы.
Мухортов А. С. – участие в разработке концепции исследования; предложение концепции критики Просвещения; доработка исследования; итоговые выводы.**

Contribution of the authors

**Karneev R. R. – research concept; methodology development; research topic; developing the concept of the reconceptualisation of subject; writing the draft; final conclusions.
Mukhortov A. S. – participation in development of research topic; proposing a concept of the critique of Enlightenment; follow-on revision of the text; final conclusions.**

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.